

нах конкретного государства воспитывают мировоззрение «граждан мира» и тем фактически лишают его легитимности и властной компетенции в глазах собственных же граждан.

По крайней мере, если таким образом ориентировать технологию противодействия общества негативным технологическим воздействиям на него, действительное большинство граждан получило бы возможность задуматься над происходящим с их государством и определиться со стратегически важным вопросом. Суть его проста: когда относительно небольшая группа активистов уничтожит государство, а монополия на ценность «справедливости» в политике перейдет к самому обществу, то кто или что в политике будет олицетворять «справедливость» и «несправедливость»? Пока существовало государство, общество в нем, в практической деятельности его институтов, могло найти опору своему убеждению, что есть сила, способная своим вмешательством в постоянное балансирование «справедливости» и «несправедливости» в общественно-политических, а также правовых, культурных и экономических, международных делах решающим образом изменить такой баланс в ту или иную сторону. При отсутствии государства решающей силой становится само общество. То, которое в политическом своем состоянии объективно, на уровне групповых политических интересов и групповой политической мифологии, расколото на тех, кто одни и те же обстоятельства политического процесса считает проявлением «справедливости», и тех, кто считает их проявлением «несправедливости». Когда эта решительность общества отстоять «справедливость» и побороть «несправедливость» не амортизируется более институтами государства,

когда она оказывается обращена внутрь самой социальной структуры, все обычно заканчивается гражданской войной. А от этого уже действительно пострадает гражданское большинство. Как оно сегодня страдает во многих странах, переживших «цветные революции» в Северной Африке, на Ближнем Востоке, в Средней Азии, на Балканах и ставших очагами тлеющих этноконфессиональных конфликтов и источниками террористической угрозы для остального мира. Украина – яркий и наиболее близкий пример из этого широкого ряда.

Примечания

- ¹ См., например: *Монтескье Ш. Л.* Персидские письма. URL: http://modernlib.ru/books/monteske_sharl/persidskie_pisma/read/ (дата обращения: 02.01.2015).
- ² См.: *Механик А.* Униженные и оскорбленные современного мира. 22 дек. 2014. URL: <http://expert.ru/expert/2015/01/unizhennyie-i-oskorblennyie-sovremennogo-mira/> (дата обращения: 22.01.2015); *Асташенков А.* Прекариат начинает организовываться. 13 окт. 2013. URL: <http://rusplt.ru/policy/prekariat.html> (дата обращения: 23.01.2015).
- ³ Цит. по: *Быков П.* Долгая дорога на войну. 19 янв. 2015. URL: <http://expert.ru/expert/2015/04/dolgaya-doroga-na-voynu/> (дата обращения: 23.01.2015).
- ⁴ *Роулз Д.* Теория справедливости. § 4. Исходное положение и обоснование. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6642> (дата обращения: 20.11.2014).
- ⁵ *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 24–25. URL: http://skepdic.ru/wp-content/uploads/2012/11/4263Nozik.anarchy_state_utopia.pdf (дата обращения: 12.11.2014).
- ⁶ Цит. по: *Быков П.* Указ. соч.

УДК 329.059470+571

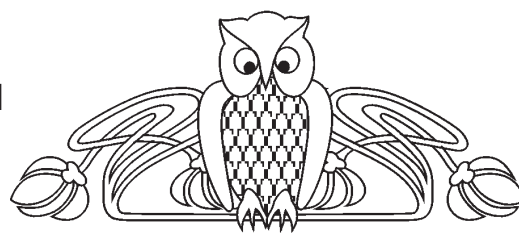
ПЕРСПЕКТИВА «СТАНДАРТОВ» СОВРЕМЕННОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

А. В. Головченко

Саратовский государственный университет
E-mail: golovchenkoav@mail.ru

В статье рассмотрена эволюция представлений о связи идейно-мировоззренческих ценностей и принципов либерализма с реальной практической политикой в современном мире и в постсоветской России. Представлен анализ основных факторов инверсии «стандартов» современной либеральной политики и определены перспективы их дальнейшей эволюции в условиях нарастания конфронтации на международной арене.

Ключевые слова: либерализм, особенности либерализма в постсоветской России, инверсия либеральной политики, факторы эволюции либерализма, «стандарты» либеральной политики.

Prospects of «Standards» of Contemporary Liberal Politics

A. V. Golovchenko

The article examines evolution of an approach to the connection between ideological and world outlook values and principles of liberalism, on the one hand, and real politics in post-soviet Russia, on the other. The author analyzes key factors of inversion of modern liberal politics standards and pinpoints prospects of their evolution within escalation tensions in international relations.

Key words: liberalism, features of liberalism in post-soviet Russia, inversion of liberal politics, factors of evolution of liberalism, «standards» of liberal politics.

Как и любая политическая доктрина, реализуемая на практике, либерализм сегодня подвергается жесткой критике как его противниками, так и в ряде случаев его сторонниками. Основная претензия к либеральной политике состоит в том, что она привела современный мир в состояние разбалансированности политических интересов, ожесточенной конкуренции ее субъектов за разнообразные экономические, культурные и силовые ресурсы, хаоса политических и экономических решений.

Часто из уст критиков звучат претензии в том смысле, что либеральная политика приучает современного гражданина жить как бы по инерции и не задумываться над перспективами, потреблять жизненные блага, а не приумножать их, распределять блага между людьми по «праву сильного», а не по справедливости. В последнее время в ряду претензий чаще других фигурирует и другое: либеральная политика приучает современного гражданина пользоваться культурным багажом предшествующих поколений, но при этом легкомысленно относиться к традициям (семейным и религиозным, в частности). Тем самым политика приучает гражданина понимать саму себя как перманентный конфликт истории и современности.

Например, известный испанский профессор права Хавьер Матиа, оценивая потенциал участия рядовых испанцев во внутригосударственной и международной либеральной политике, заявляет: «Судя по недавнему опросу, только 16% испанцев готовы защищать свою страну. Почему? Причина в региональном сепаратизме, в проблеме доверия правительству, просто в космополитичном мышлении людей? Я думаю, дело в том, что люди не хотят вставать под флаги, люди хотят бороться за ценности. Если завтра скажут, что надо бороться с “Исламским государством”, то, думаю, много людей на это согласятся, потому что многие думают об ИГ плохо. Но если скажут, что надо защищать остров Перехиль, не думаю, что многие пойдут это делать. Недавно туда высадились два марокканца, и Испания послала военное подразделение, чтобы оккупировать этот маленький островок посреди моря. Люди не хотят защищать флаг, если он не означает никаких ценностей. <...> Мы находимся у конца империи. Мне кажется, что Европа угасает. Пока ЕС чувствует себя очень хорошо, потому что он смог взять под свой контроль все экономики Европы. Но ему не хватает легитимности – в рамках Евросоюза принимаются много решений, которые навязываются государствам-членам, а граждане лишены возможности демократическим путем избирать тех, кто эти решения принимает»¹.

Испанскому коллеге вторит не менее известный британский специалист по военным конфликтам Кристофер Коукер. Он, поясняя свое видение причин краха проектов экспорта либе-

ральной демократии в страны «третьего мира» и в эмигрантскую среду самих европейских обществ, утверждает: «Очень важный фактор – это скука. Когда среди молодежи безработица достигает 40%, а иногда и 65% в странах Ближнего Востока, то многие молодые люди, одолеваемые скукой, хотят воевать. То, что по-настоящему привлекает в фундаментализме – это чувство братства, это ощущение осмысленности в бессмысленной действительности, в которой нет надежды, нет будущего. Ощущение того, что ты, наконец, делаешь историю. Это и месть за все, что тебе сделали плохого. Когда люди терпят неудачу, они обычно винят в этом других, не себя. Когда троих боевиков, возвратившихся из Сирии, спросили, зачем они ездили туда, они ответили: “Потому что мы ненавидим”. – “Хорошо, но что вы ненавидите в Западе?” – “Мы ненавидим все”»². Как представляется, К. Коукер больше философски моделирует ситуацию, чем воспроизводит реально состоявшееся событие, но моделирует, в сущности, достоверно. То, что он называет «скукой» и прямолинейно связывает с безработицей, может быть вписано в более масштабный контекст. В том смысле, что в так называемых обществах потребления отсутствует как таковая перспектива социальной самореализации личности, кроме как личности, проедающей богатства, созданные усилиями предшествующих поколений. Отсутствие или затрудненность доступа к этому «пирог» для тех же потомков эмигрантов, проживающих в развитых странах Запада, рождает в полном смысле инстинктивную «животную» агрессию против всего существующего миропорядка.

Российские политологи также отмечают, что «идеология либерализма не нашла своей прочной социальной базы у российских граждан. Либеральная атака на Россию захлебнулась»³. Те эксперты, кому либеральная политика не близка по идеологическим представлениям, консерваторы например, критикуют ее жестко. Российский публицист Егор Штурм высказывается о сути либеральной политики предельно категорично: «Тем, кто пропагандирует либеральные ценности, стоит указать на то, что сам Запад они не привели ни к чему хорошему – на фоне экономического благополучия мы видим депопуляцию, утрату идентичности, рост наркомании, фрустрацию, культурный упадок, замещение автохтонного населения массами мигрантов, не имеющих никаких культурных связей с традиционной Европой и не ценящих её. Да и экономическое благополучие в свете неутраченного экономического кризиса может оказаться под вопросом в недалёкой перспективе. Сегодня это хорошо понимают и наиболее здоровые общественные силы в самих европейских странах, неслучайно всё большие симпатии у европейских народов вызывают политические движения евроскептиков – тех, кто, как Марин Ле Пен или

Хайнц-Кристиан Штрахе, хочет освободить свои страны от диктата Евросоюза, обезличенного объединения, воплощающего либеральные ценности, которое всё сильнее стремится к ликвидации национального суверенитета стран Европы и растворению их идентичности»⁴. Применительно к области морали и частных человеческих отношений эту оценку поддерживает другой отечественный консерватор, Сергей Чесноков. «В нынешних условиях, – пишет он, – когда культура вывернута наизнанку, люди, рожающие детей, являются настоящими дворянами духа, аристократами, самыми благородными гражданами общества. Их благородство состоит в том, что они плывут против течения, сопротивляются современным либеральным установкам»⁵.

Одной из последних аккумуляций претензий к либеральной политике в ее внутреннем и внешнем измерениях стали высказывания В. В. Путина и членов российского правительства в контексте украинского кризиса и санкций со стороны США и Евросоюза. Например, в своем выступлении на форуме «Валдайский клуб» В. В. Путин поставил несколько категоричных диагнозов современной либеральной политике и ее перспективам. Перечень этих диагнозов таков:

– «Начался период разночтений и умолчаний в мировой политике. Под давлением правового нигилизма шаг за шагом сдавало свои позиции международное право. Объективность и справедливость приносились в жертву политической целесообразности. Юридические нормы подменялись произвольным толкованием и пристрастными оценками. При этом тотальный контроль над глобальными средствами массовой информации позволял при желании белое выдавать за черное, а черное за белое»;

– «...понятие “национальный суверенитет” для большинства государств стало относительной величиной. По сути, была предложена формула: чем сильнее лояльность единственному центру влияния в мире – тем выше легитимность того или иного правящего режима»;

– «Вместо урегулирования конфликтов – эскалация. Вместо суверенных, устойчивых государств – растущее пространство хаоса. Вместо демократии – поддержка весьма сомнительной публики – от откровенных неонацистов до исламистских радикалов»;

– «...наши коллеги и друзья постоянно борются с результатами своей собственной политики, бросают свою мощь на устранение рисков, которые сами создают, платят за это все возрастающую и возрастающую цену»⁶.

Если такого рода критические оценки нынешнего состояния и перспектив либеральной политики справедливы, то их можно записать ей в «положительный актив». В том смысле, что, как и всякая другая теоретическая доктрина при практической реализации, она довела до состояния кризиса многие фундаментальные основы

жизнедеятельности современных обществ и государств. Тем самым она создала достаточное по набору и масштабности пространство актуальных проблем, ориентируясь на которые и выявляя связи между которыми, современная политическая наука и практика имеет все необходимое и достаточное для выработки новых стратегий развития мира в XXI в. В этом смысле либерализм как идеология и политическая практика, полагаясь, выполнил свою историческую миссию, и это имеет смысл принимать во внимание при предъявлении ему претензий. Либерализм в его теоретическом и практическом измерении не так уж плох. Проблема в том, что все его измерения сегодня становятся все более неорганичны потребностям современного политического процесса в разных частях мира. Поэтому рано или поздно современному миру предстоит расставание с либерализмом. Точно так же, как произошло в 90-е гг. прошлого века расставание многих современных социально-политических систем с коммунизмом. Расставание, которое, по совершенно верному замечанию В. В. Путина в выступлении на площадке «Валдайского клуба», было неверно и однобоко истолковано странами либеральной демократии как их полная победа в «холодной войне» предшествующих десятилетий⁷. Пафос всех критических оценок либеральной политики, приведенных выше, примерно один: рано или поздно, но с либеральной политикой, по крайней мере в ее нынешнем виде, цивилизованным обществам придется расстаться.

Актуальным в такой ситуации выглядит вопрос: каким может быть и каким желательно было бы расставание современного мира политики с теми либеральными устоями, на которые он в значительной своей части опирался в последние два столетия? Современное кризисное состояние многих стран, публично декларирующих свою приверженность либерально-демократическим принципам и ценностям, позволяет предположить, что либеральная стратегия развития не вечна в качестве ориентира прогресса. Скорее всего, отработав свой срок, она должна будет уйти на второй план и уступить место каким-то иным стратегиям. Но, вероятно, мало кому в современной политике хотелось бы, чтобы этот уход выглядел так же, как выглядел уход из ряда регуляторов современной политики и современного мирового порядка коммунистической доктрины и коммунистической политической практики. Расставание современного мира с коммунистической альтернативой обернулось перекройкой политической карты мира, формированием однополярной системы международных отношений, перманентными рисками и вызовами, конфликтами государств, политикой пресловутых «двойных стандартов» и хаосом стратегий политического развития современных социально-политических систем. Вопрос, который, вероятно, имело бы сегодня поста-

вить критикам либеральной политики, состоит в следующем: возможно ли расставание с богатым и сложным опытом развития цивилизованных политических сообществ в рамках либеральной стратегии осуществить так, чтобы оно пошло на пользу, а не во вред цивилизации?

Каким бы парадоксальным не выглядел такой вариант, но, возможно, ответ на этот вопрос содержится в том пункте, по которому нынешней либеральной политике предъявляется более всего претензий. Речь идет о тех самых «двойных стандартах», за приверженность которым сегодня в нашей стране так много критикуют элиты Запада. Если рассуждать формально, то такого рода претензия к либеральной политике лишена смысла. Политика как таковая представляет собой очень подвижный в своей конфигурации конфликт интересов самых различных ее субъектов, и потому вообще говорить о каком-либо стандарте можно лишь с большой долей условности смысла, который мы вкладываем в такое определение. Но, с другой стороны, при наблюдении за ходом современной либеральной политики постоянно возникает ощущение «раздвоения личности» у многих ее участников. Они не просто говорят одно, а делают другое. Они как бы видят мир политики в двух самостоятельных и не пересекающихся плоскостях. Ориентиры и мотивации современной либеральной политики, как и в международном, так и в страновом ее измерениях, как бы сгруппировались на двух полюсах. Собственно, такую группировку политических ориентиров и мотиваций чаще всего и имеют в виду критики либеральной политики, когда говорят о различии ее «стандартов».

На одном полюсе группируются представления о либеральной политике как традиции. В определенном смысле эту часть пространства либеральной политики можно рассматривать как основанную на традиционных политических (и неполитических) ценностях. На этом полюсе представление о том, какой должна быть правильная, разумная и справедливая политика, является в полном смысле производным от предшествующего совокупного политического опыта современных социально-политических систем. «Стандарт» либеральной политики, образующийся на этом полюсе, выглядит системой ценностей, покушение на которую автоматически обрушивает весь современный миропорядок как тоже производное от совокупного опыта исторического развития современных цивилизованных обществ и государств. Именно на это обстоятельство обратил внимание своего собеседника К. Коукер, когда рассуждал о неготовности нынешних европейцев становиться под чьи бы то ни было «знамена», если на последних не начертаны значимые ценности. К такому пониманию позитивного «стандарта» современной либеральной политики тяготен, как представляется, и высказывания первых лиц нашего государства.

На другом полюсе группируются представления о либеральной политике как производном от организационно-инструментальных потребностей современного политического процесса. Ценность в этом случае предстает не как ориентир при выборе политического инструмента, а как инструмент выбора ориентиров.

«Стандартов» в этом случае действительно образуется два. Более того, как отмечают эксперты, они все дальше удаляются друг от друга. Это удаление можно расценивать как субъективный фактор современной политики, связанный с простой недобросовестностью и некомпетентностью современной генерации политических элит⁸, с их намерением вести друг с другом закулисные игры. А можно в этом видеть объективную сторону. Современная политическая жизнь действительно изменилась настолько, что участникам либеральной политики приходится выбирать между двумя стандартами. Заметим, что особенный интерес именно ко второму стандарту проявляют те социально-политические структуры, которым, подобно гражданам и элитам прибалтийских государств и Украины (особенно Западной), удалось расстаться с традицией советской демократии и в целом с многим из советского политико-культурного наследия. Но при этом им не удалось ускоренными темпами довести свой «демократический транзит» до требований первого, исторического стандарта. Либеральная политика у них сформировалась, но в далеком от требований этого исторического стандарта виде. Это «либерально-демократическая» политика, обремененная национализмом, ксенофобией, избирательным подходом к пониманию «общечеловеческих» гражданских прав и свобод. Иначе говоря, это политика, в противовес историческому стандарту либеральной политики, избыточно обремененная «современностью».

Как представляется, это не простое расхождение между стратегией и тактикой участников политического процесса. Скорее, в происходящем можно увидеть именно формирование нового стандарта либеральной политики на основе быстрого ухода от старого. Стандарта, предназначенного для того, чтобы изменить современный мир так же, как это сделал в свое время классический либерализм, сформировав первый, исторический, стандарт. Последний вырос из «двухстандартной», так сказать, феодально-авторитарной политики. Той, в которой права и свободы субъектов определялись, с одной стороны, исторической традицией, а с другой – новыми обстоятельствами конкуренции европейских обществ за ресурсы развития, колониальные ресурсы в первую очередь. Он, этот единый стандарт либеральной политики, который мы условно назвали в данном случае «историческим», создал в колониальный период мировой истории условия для того, чтобы одна либеральная политика осуществлялась для «белых», а другая – для тузем-

цев. И в результате он стал (в формате «политики для белых») новым стандартом практической политики в начале Нового времени. Из двух стандартов европейцы сделали выбор в пользу своего, исторического, стандарта «для белых», и это создало современный Запад, превратило его в ось мировой политики, которая в настоящее время действительно начинает терять устойчивость и прочность. И этот стандарт «политики для белых» современные потомки европейских и североамериканских колонизаторов считают своим человеческим долгом вернуть тем сообществам «третьего мира», которые они долго заставляли жить по стандарту «политики для туземцев». Возможно, этим можно объяснить современную увлеченность «западных» обществ и элит миссионерской деятельностью на ниве либеральной политики и геополитики.

Современному миру, как в свое время миру в начале Нового времени, предстоит выбрать один стандарт политики из двух. Мы видим, как этот выбор делается сегодня заявительным порядком. Более того, «провозглашенный “конец истории” в результате “окончательной” победы либеральной доктрины общественно-политического и социально-экономического устройства стал главной методологической предпосылкой формулирования концепции soft power»⁹. В своих заявках субъекты либеральной политики проявляют заметную настойчивость, вплоть до применения физической силы в отношении сомнеющихся («цветные революции») и несогласных (прямые военные интервенции). Настойчивость, которую Президент РФ в упомянутом выступлении на Валдайском форуме сравнил с наступанием политики западных государств на одни и те же «грабли».

Призыв одуматься в такой ситуации вряд ли будет услышан оппонентами российского президента. Они наступают и будут дальше наступать с усиленной активностью, потому что только так можно поддержать свою заявку на выбор в пользу неисторического стандарта либеральной политики. Только раз за разом, наступая на «грабли», связанные с провоцированием локальных конфликтов, с поддержкой террористов, с самим себе не выгодными экономическими и культурными санкциями, граждане и элиты стран либеральной демократии могут убедить себя в правильности сделанного выбора. Убедить себя в том, что их новый стандарт либеральной (или она в дальнейшем будет называться как-то другому) политики вполне соответствует новым условиям их существования в глобализованном политическом, экономическом и культурном пространстве, что этот новый стандарт политики вполне отвечает «духу времени», точно так же, как ему отвечал стандарт либеральной политики, сформулированный и апробированный прежде классиками политической теории и практики в Западной Европе и Северной Америке в XIX–XX столетиях.

Это не значит, что нет иного выбора в современной политике, кроме принятия нового, неисторического стандарта, формируемого текущей либеральной политикой. Это сценарий вероятный, но не неизбежный. Симптоматично, что свое видение проблемы выхода из сложившейся ситуации В. В. Путин сформулировал отнюдь не в духе исключения исторической перспективы у того стандарта либеральной политики, который он подверг критике, но и не в духе абсолютизации такой перспективы. «Что же нас ждет, если мы предпочтем жить не по правилам, пусть строгим и неудобным, а вовсе без правил? А именно такой сценарий вполне реален, исключить его нельзя, учитывая накал обстановки в мире»¹⁰.

Возможен вариант обновления исторического стандарта за счет наполнения устоявшихся традиционных институтов и инструментов либеральной политики новыми смыслами, отвечающими «духу времени». Но для этого необходимо сочувствие этому варианту не только узкого круга исторично мыслящих политиков и теоретиков. Таковых в России, может быть, больше, чем в странах либеральной демократии, но недостаточно для обеспечения устойчивой поддержки этой стратегии именно в масштабах огромного российского общества. Поддержка их активности в этом направлении со стороны Президента РФ, безусловно, значима в плане консолидации экспертно-аналитического сообщества, но она недостаточна для того, чтобы вокруг этого экспертного сообщества как идеологического центра сгруппировались институты гражданского общества, кои в России пока слабы и малоактивны.

Это должна быть концепция, условно говоря, мирного обновления либеральной теории и практики, сравнимая по агрессивности продвижения в массовое сознание и в политическую практику со вторым, альтернативным историческому, стандартом современной либеральной политики. Пока ни теоретикам, ни практикам в России и в других странах не удалось найти новых смыслов для наполнения ими таких ключевых для либеральной теории и практики категорий, как правовое государство, гражданское общество, избирательный процесс, легитимность и конституционный порядок, права человека, толерантность. Точнее сказать, новые смыслы находятся, но не те, которые могли бы прочно удержаться в границах традиционных институциональных форм и не разрушали бы эти формы изнутри, а, напротив, скрепляли бы их. Можно сказать, как это было сделано в совсем недавнее время, что российская демократия – это «суверенная демократия». Но такое заявление сразу породило разрушающий пространство политических смыслов эффект. Возник вопрос: а демократия ли это? И поиск ответа на него вовлек в протестные акции последних лет многих российских граждан, искренне верящих в ценности демократии и патриотические ценности.

Создание новых смыслов для наполнения ими исторических институтов либеральной политики – это сверхзадача, которую, если ориентироваться на исторический опыт возвышения либерализма, вынуждена будет решать именно политическая мысль. Так же, как она это делала во времена «отцов-основателей» классической либеральной теории, как она это делала в период формирования неолиберальных основ политики в XX столетии. Это сверхзадача, потому что прежде надо довести до соответствующего уровня научное осмысление как одного, исторического, так и второго, модернизированного, стандартов современной либеральной политики, понять их внутреннюю логику. Либерализм сегодня – это предельно открытый по форме и содержанию в теории и предельно скрытый по форме и содержанию в границах реальной политики идеологический и культурный проект. Именно невозможность докопаться до его истинного смысла рождает консервативную реакцию на все, что ассоциируется с либерализмом. В том числе ту самую, внешне немотивированную агрессию со стороны традиционалистов, сторонников справедливости и т. д., о которой упоминает К. Коукер. Массовому сознанию либерализм видится угрозой в качестве проекта будущего, на который никому, кроме узкого круга знатоков (полумифического «мирового правительства»), не дано повлиять, а потому с этой угрозой нужно бороться силой традиционных сообществ. Закономерно, что и для своих сторонников либерализм приобретает свойства знания, в которое нужно верить, ибо оно абсурдно. Отсюда их агрессивность, сходная с агрессивностью религиозного фундаментализма, но проявляющаяся в противоположных по смыслу политических решениях: от почти принудительной для многих гражданских обществ легализации однополых браков до столь же принудительного навязывания демократических процедур и институтов народам, не понимающим того и другого. То, что происходит в современном мире, политику развитых государств можно назвать «либеральным джихадом». Идея и практика «Исламского государства», в сущности, является простой калькой с идеи экспорта демократии с Запада в развивающиеся страны. Ответом на агрессивный экспорт либеральной политики, ориентированной на новый стандарт, становится столь же агрессивный реэкспорт этого неисторического либерального проекта. Реэкспорт все той же идеи инструментализации ценностей свободы, справедливости, гражданской ответственности, на которую сегодня сориентировался «западный» мир, только не на платформе европейской секуляризованной рациональности, а на альтернативной платформе религиозного фундаментализма.

Примечания

- ¹ Байдакова А. Одни автономнее других. Испанский профессор права Хавьер Матиа – о том, почему каталонцы хотят независимости, но вряд ли ее получат. URL: <http://rusplt.ru/world/odni-avtonomnee-drugih-13825.html> (дата обращения: 23.10.2014).
- ² Байдакова А. «Запад предпочитает либо «невидимое» убийство, либо убивать красиво». Британский политолог Кристофер Коукер – о том, как изменилась сущность войн в XXI веке. URL: <http://rusplt.ru/world/zapad-predpochitaet-libo-nevidimoe-ubiystvo-libo-ubivat-krasivo-13726.html> (дата обращения: 21.10.2014).
- ³ Вилков А. А. Либеральные ценности в массовом сознании россиян в постсоветский период // «Новая Россия»: Власть, общество, управление в контексте либеральных ценностей: материалы междунар. науч. конф., Москва, 22 марта 2004 г. М., 2004. С. 157.
- ⁴ Штурм Е. Россия vs цивилизованный мир. 23 октября 2014. URL: <http://zavtra.ru/content/view/rossiya-vs-tsivilizovannyj-mir/> (дата обращения: 24.10.2014).
- ⁵ Новицкая Ю. Спасение младенцев! Интервью с президентом Международного фестиваля социальных технологий в защиту семейных ценностей «За Жизнь» Сергеем Чесноковым. 23 октября 2014. URL: <http://zavtra.ru/content/view/spasenie-mladentsev/> (дата обращения: 24.10.2014).
- ⁶ Остановить глобальный хаос // Рос. газ. 2014. 24 окт. URL: <http://www.rg.ru/2014/10/24/putin.html> (дата обращения: 28.10.2014).
- ⁷ ««Холодная война» закончилась, – говорил Президент РФ. – Но она не завершилась заключением “мира”, понятными и прозрачными договорённостями о соблюдении имеющихся или о создании новых правил и стандартов. Создалось впечатление, что так называемые “победители” в холодной войне решили “дожать ситуацию”, перекроить весь мир исключительно под себя, под свои интересы» (Там же).
- ⁸ «У нас во власти технократы, которые выполняют политические директивы, навязываемые Европейским союзом, – утверждает в одном из интервью лидер французского “Народного фронта” Марин Ле Пен. – <...> Больше нет ценностей. И уже давно. У них нет ценностей. Их ничего не сдерживает, кроме идеи уничтожения наций. Они больше не верят в государство-нацию. Они больше не верят в Родину, в нацию, в народ. Для них мы все – производители или потребители» (Марин Ле Пен. О Евросоюзе начистоту. URL: <http://rons-inform.livejournal.com/1252455.html> (дата обращения: 29.10.2014)).
- ⁹ Вилков А. А. «Мягкая сила» как элемент имиджевых технологий во внутренней и внешней политике // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 68.
- ¹⁰ Остановить глобальный хаос.